

Логика Науки логики Гегеля

ТЕРРИ ПИНКАРД

Джорджтаунский университет, США,
terry.pinkard@georgetown.edu.

Ключевые слова: Георг Вильгельм Фридрих Гегель;
логика; «Наука логики»; спекулятивная философия;
абсолютная идея.

Одна из проблем, являющихся частью историко-философских исследований, состоит в реинтерпретации философского прошлого таким образом, чтобы стала понятна актуальность их работ для современных дискуссий. При этом часто обнаруживается, что некоторые доктрины, которым сам философ придавал большое значение, могут не быть центральными для определенной линии его аргументации. Например, недавние попытки интерпретации Канта были направлены на то, чтобы отделить вызывающую возражения часть кантовской метафизики от содержащегося в ней «объективного» аргумента. Вся доктрина трансцендентальной психологии в первой «Критике» Канта, например, может быть отложена в сторону без ущерба для рационального ядра аргумента.

В случае с Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем, однако, дело,

на первый взгляд, представляется более сложным, поскольку вся гегелевская система завязана на весьма неясную метафизику «Мирового Духа». Однако так же, как не все части доктрины Канта необходимы для его философии, возможно, не вся философия Гегеля неразрывно связана с приверженностью к таким темным сущностям. Автор статьи пытается выявить центральное аргументационное ядро гегелевской «Науки логики».

Для этого он сначала вкратце обрисовывает, что Гегель считает целью такой теории. Во-вторых, описывает основную логическую структуру работы. Результатом становится такое изложение философии Гегеля, которое делает ее не туманным поверженным Мировым Духом, а скорее, близким к современной проблематике.

1. Гегелевская идея философской теории

ГЕГЕЛЬ начинает «Науку логики» с отвержения «данного» в опыте. «Феноменология духа» воспринимается как аргумент в пользу этого тезиса, и таким образом Гегель говорит, что он предпосылает результат, достигнутый в «Феноменологии», как исходный при возведении теории, предлагаемой в «Логике». Если не существует грубой данности в опыте, которая была бы не сводима к понятийной обработке, то философская теория может развиваться двумя путями: либо можно сконструировать «гипотетические» философские системы, либо можно искать трансцендентальные условия в рамках самой теоретической структуры. Гегель выбирает второй вариант. Такая теория, как он утверждает, должна быть реконструирующей: «Поэтому, имея дело с определениями мысли... логическая наука будет также реконструкцией тех определений мысли» (НЛ I 93). Такая реконструкция равняется (1) переводу (переписыванию) других модусов опыта в понятийную форму и (2) логическому связыванию понятий друг с другом.

В той мере, в какой философия должна быть логической реконструкцией, она также является *a priori* дисциплиной. Валидность рассматриваемых понятий должна быть получена не путем сравнения их с вещами, воплощающими их (в самом деле, видеть нечто как пример некоторого понятия предполагает знание этого понятия *a priori*), и не путем приведения различных эмпирических примеров. Вместо этого валидность таких понятий должна быть получена имманентно, то есть логически, только через их отношение друг к другу. Гегель выражает это в характерной манере:

Философия, обязанная, таким образом, своим развитием эмпирическим наукам, сообщает их содержанию существеннейшую

Перевод с английского Дениса Маслова по изданию: © Pinkard T. The Logic of Hegel's Logic // Journal of the History of Philosophy. October 1979. Vol. 17. № 4. P. 417–435. Публикуется с любезного разрешения автора.

Автор выражает признательность профессорам Клаусу Хартманну и Дону Айде за их полезные замечания к ранним версиям статьи, а также благодарит д-ра Пюнтера Малушке за предложения по ее структуре.

форму свободы мышления (априорную форму) и достоверности, основанной на знании необходимости, которую она ставит на место убедительности преднайденого и опытных фактов, с тем чтобы факт превратился в изображение и иллюстрацию первоначальной и совершенно самостоятельной деятельности мышления» (ЭФН I § 12 прим.)¹

Философская теория реконструирует предметы таким образом, чтобы показать их логические («необходимые») отношения. Мысль дает себе законы в соответствии с логическими нормами и тем самым достигает «истинной» необходимости.

Однако трансцендентальные соображения приводят Гегеля к выводу, что логические отношения не могут быть восприняты извне, говоря метафорически. Предполагать это как данность означает оставить их в философском лимбе, это значит сделать их непостижимыми. Если реконструкция должна быть полной, считает Гегель, логические отношения сами должны быть реконструированы.

Это эквивалентно требованию трансцендентальной философии по кантовскому образцу. Гегель редко обозначал свою философию как трансцендентальную, по большей части он обозначает ее как *спекулятивную*. Однако его понимание слова «трансцендентальный» было ограниченным; он понимал под ним термин, относящийся к философии субъективности и резко возражал против идеи Канта, что трансцендентальное *сознание*, а не чистые понятийные условия, есть основа знания. Он говорит о философии Канта, что

... трансцендентальное существует в обнаружении таких определений в субъективной мысли... [и это] выражение относится только к источникам таких определений, и это есть сознание².

1. Ссылки на русскоязычные тексты логики Гегеля даются по изданиям: Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3 т. М.: Мысль, 1970–1972; Он же. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1, а ссылки на текст оригинала как TWA с указанием тома и страницы — по: Hegel G. W. F. Werke: In 20 Bd. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1986.
2. В этом месте перевод сделан по тексту авторского перевода Пинкарда с немецкого, поскольку текст Пинкарда отличается от оригинала. Ср. русский перевод: «Напротив, трансцендентальную философию Кант определяет следующим образом: она не есть философия, выходящая посредством категорий за пределы своей сферы, а она обнаруживает в субъективном мышлении, в сознании, источники того, что может стать трансцендентным» (Гегель Г. В. Ф. История философии: В 3 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 3. С. 479). Ср. текст оригинала: «Die Transzendentalphilosophie bestimmt Kant

Хотя Гегель осуждал трансцендентализм Канта, он понимал рациональное ядро теории Канта не как трансцендентальное, но по спекулятивное по себе. Для наших целей мы можем использовать слово «трансцендентальный» в более широком смысле, чем это делал Гегель, поскольку так оно может прекрасно характеризовать и его систему. Если правила вывода и т. д. следует причислять к числу принципов чистого разума, то они должны быть включены в систему принципов чистого разума. А ее сам Гегель в своих лекциях о Канте обозначал как трансцендентальную.

Он берет свою отправную точку из кантовской характеристики синтетического единства апперцепции в примечании в «Критике чистого разума»:

Таким образом, синтетическое единство апперцепции есть высший пункт, с которым следует связывать все употребление рассудка, даже всю логику и вслед за ней трансцендентальную философию; более того, эта способность и есть сам рассудок (В 134 прим.)³

В более гегелевском свете синтетическое единство апперцепции можно назвать понятием-принципом, то есть принципом понимания концептуальности (понятийности) как таковой. Если даже «вся совокупность логики» должна быть в конечном счете производной из понятия-принципа, то, предположительно, центральные понятия самого понятия логики могут быть реконструированы в соответствии с этим принципом. Тогда часть задачи трансцендентальной логики состоит в том, чтобы дать объяснение центральным понятиям логики.

Гегель отмечает, что в наших эпистемических рамках находится целый набор понятий: понятия независимых сущностей, отношений и умозаключений. Проблема Гегеля заключалась в том, чтобы найти процедуру для демонстрации логических (или лучше: трансцендентально-логических) связей между ними. Таким образом, он предлагает нам *конструктивную логику понятий*. Для того чтобы понять, что это такое, почему ее можно считать геге-

so, daß es nicht eine Philosophie sei, die mit Kategorien hinausgeht über ihre Sphäre, sondern die die Quellen aufzeigt von dem, was transzendent werden kann; es bezieht sich dieser Ausdruck nur auf die Quellen solcher Bestimmungen, und dies ist das Bewußtsein» (TWA 20 337–338). — Прим. пер.

3. См.: Кант И. Соч. на нем. и русс. яз.: В 4 т. / Под ред. Б. Бушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. Т. 2.

левской, и какие требования предъявляет такая логика, мы должны прежде всего прояснить, что такое логика понятий.

Для этого мы можем использовать аналогию языковых игр. Знакомая формулировка соответствующего понятия языковой игры может быть, вслед за Уилфредом Селларсом⁴, сделана по аналогии с шахматами. Фигура в шахматной игре, например, слон, дефинирована своими ходами в игре; хотя эта фигура обычно предстает перед нами в определенной форме, она может появиться в любой материальной форме и все равно оставаться слоном. Селларс представляет себе шахматы в большом масштабе, которые он называет «техасскими шахматами», где квадраты — это графства, а «роллс-ройсы» — короли. Суть в том, какие ходы фигура может делать в рамках игры в согласии с правилами. Выражаясь гегелевским языком, можно сказать, что определенность слона (то есть концептуальное значение шахматного термина «слон») устанавливается его возможными ходами, его *логикой*. Аналогию можно распространить и на язык. Можно сказать, что термины приобретают свое значение (свою определенность) в силу ходов, которые они совершают в языке (игре). Например, понятие «красный» относится к тем видам движений, которые слово «красный» (или *rot*, или *rouge*) может легитимно делать (допуская вспомогательные ходы в разных играх, например, правила немецкого языка в отличие от английского). Термины являются «воплощениями» рассматриваемых понятий (точно так же, как этот слон является воплощением «слонства»), а понятия определяются их ходами абстрактно, то есть *vis-à-vis* к другим понятиям. *Ходы* понятий устанавливают их *логику*; поэтому можно говорить об имманентной логике понятий, означающей просто поведение понятий по отношению друг к другу, виды движений, которые совершает понятие. Можно провести аналогию дальше и утверждать, что концептуальное значение термина определяется тем, что из него можно вывести — то есть какие виды движений предписываются, куда можно двигаться в соответствии с правилами умозаключения (логикой) языка (эпистемическая рамка), о которых идет речь. Другими словами, понятия приобретают значение, определенность, из своей логики, из своего поведения по отношению к другим понятиям. Логика понятия, таким образом, не является внешней по от-

4. См.: Sellars W. Some Reflection on Language Games // Science, Perception, and Reality. L.: Routledge; Kegan Paul, 1963. P. 321–358.

ношению к его определенности, но напротив, есть внутренняя, конституирующая ее.

Гегель говорит похожим образом: «Формы мысли выявляются и отлагаются прежде всего в человеческом языке» (НЛ I 82, TWA 5 20). Смысл аналогии с языковыми играми заключается в том, что имеет смысл говорить о понятиях как о воплощенных в языке; не нужно делать витгенштейнианский вывод и ограничиваться только описанием фактического использования в рамках конкретного языка. Однако нет нужды принимать картезианскую альтернативу и говорить о субъективной непосредственности мыслей в противоположность их выражению в языке. Противопоставление описания выраженных языковых актов и картезианского анализа внутренних мыслей не является единственной альтернативой. Можно по-прежнему утверждать приоритет языка и, тем не менее, говорить о понятиях в отличие от их воплощения в конкретном языке (хотя, конечно, конкретное воплощение концептов всегда, по меньшей мере, эвристически интересно). То есть можно говорить о том, что понятие красного цвета воплощено в словах «красный», *rouge* и *rot* точно так же, как можно говорить о различных предметах (например, деревянной палке, коробке спичек, телевизионной трубке), воплощающих слона в шахматах. Конкретные фигуры воплощают слона в силу в силу тех видов ходов, которые они делают в игре. Точно так же конкретные слова воплощают понятие красного цвета в силу ходов, которые они делают в языковой игре. Аналогия с шахматами, конечно, разрушается, если спросить, что (или кто) двигает фигуры. Ответ заключается в том, что фигуры, так сказать, *не* двигаются. Скорее, это сама «мысль» перемещается от позиции к позиции. Мысль это единственная «фигура» в игре, и ее движение от позиции к позиции — это то, что делает ее понятийной мыслью. Движение, о котором мы говорим, является *инференциальным* [выводным в смысле логического умозаключения. — Прим. пер.]. Мысль движется от одной позиции к другой в том смысле, что она *выводит* одну позицию из другой. Каждое понятие в «Науке логики», таким образом, является позицией в игре, в которой движется «спекулятивная мысль». Гегель искажает этот момент, говоря о движении понятий, в то время как на самом деле только мысль движется от одной позиции к другой. Для краткости я буду следовать формулировке Гегеля и говорить о *движении* понятий. Эта аналогия с языковыми играми, конечно, лишь беглая. Смысл ее в том, чтобы предложить модель, с помощью которой можно понять ге-

гелевское представление о движении понятий и о том, что это движение конституирует определенность понятий. (Следует отметить, что я не утверждаю, что метафизика Селларса и Гегеля совпадают каким-либо образом).

Кроме того, Гегель предпочитает конструктивную, а не просто дескриптивную философию. И снова следует быть осторожным, чтобы не потерять смысл, вкладываемый в этом Гегелем. Оппозицию конструктивной/дескриптивной философии не следует отождествлять с более привычной оппозицией ревизионистской/дескриптивной метафизики, предложенной Питером Стросоном. Во введении к своей книге «Индивиды» Стросон проводит различие:

Дескриптивная метафизика довольствуется описанием действительной структуры нашего мышления о мире, ревизирующая метафизика озабочена улучшением этой структуры⁵.

Дескриптивная метафизика, кроме того, не просто описательна, но имеет определенные «область (*scope*) и всеобщность»⁶, которых нет у чисто описательной программы. Она стремится раскрыть «обширное центральное ядро человеческого мышления»⁷, а именно, категориальные понятия, «которые — рассмотренные с их наиболее фундаментальной стороны — вообще не меняются»⁸. Может показаться на первый взгляд, что Гегель говорит нечто подобное; он говорит, например, что

... история философии показывает, во-первых, что кажущиеся различными философские учения представляют собой лишь одну философию на различных ступенях ее развития <...> [и что] то же самое развитие мышления, которое изображается в истории философии, изображается также и в самой философии, но здесь оно освобождено от внешних исторических обстоятельств и дается в стихии чистого мышления (ЭФН I §§ 13–14).

В некотором смысле теория Гегеля отвечает стросоновскому понятию дескриптивной метафизики, поскольку он претендует лишь на то, чтобы иметь дело с концептуальной структурой, которая уже существует:

5. Стросон П. Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. С. 8.

6. Там же. С. 9.

7. Там же.

8. Там же. С. 10.

Философия может, следовательно, предполагать знакомство с ее предметами, и она даже должна предполагать его, так же как и интерес к ее предметам (ЭФН I § 1).

Теория Гегеля предлагает только лишь реконструкцию уже знакомых нам понятий, то есть таких, которые уже имплицитно используются в языке.

Но это не значит, что для Гегеля философия реконструирует только понятия жизненного мира или понятия, которые можно найти только в обычном языке. Другие понятия — научные и т. д. — также подпадают под реконструкцию (хотя научные понятия правильно подпадают только под ту часть реконструктивной схемы, которая называется *Realphilosophie*). Теория Гегеля не является чисто описательной, поскольку она призвана иметь нормативное значение. Привычные понятия должны быть реконструированы таким образом, чтобы продемонстрировать их «рациональность». Поэтому теория Гегеля не является ревизионистской, поскольку она не предлагает новую концептуальную схему в конкуренции с обычной. Скорее она стремится реконструировать логику, рациональность той концептуальной схемы, которая у нас уже есть. Это нормативная реконструкция схемы, обнаруженной дескриптивной метафизикой.

Подведем итоги: теория Гегеля является *реконструктивной* в том смысле, что она пытается показать уже знакомую нам концептуальную структуру и *конструктивной* в том смысле, что она строит логику для этого, а также строит новые понятия, когда они оказываются необходимыми для концептуального аппарата (конкретный статус новых категорий будет рассмотрен позже). Предложение Гегеля состоит в следующем: (1) реконструкция знакомых понятий, полученных из опыта, науки и истории философии; (2) построение нормативной логики этих понятий (в противоположность принятию их простого употребления) и новых понятий, если они необходимы; (3) теорию определенности понятий, то есть логику, которая не только связывает понятия, но и конституирует их определенность, их значение. Таким образом, предложение Гегеля о создании трансцендентальной теории представляет собой своеобразное сочетание реконструктивной (дескриптивистской) и конструктивной (ревизионистских или нормативных) требований наряду с теорией определенности. Чтобы увидеть, насколько хорошо такие требования могут быть унитарно обработаны, нам необходимо более внимательно рассмотреть конкретную структуру теории Гегеля.

II. Логическая процедура Гегеля

А. Начало

Итак, Гегель предлагает взять уже имеющиеся понятия и реконструировать их в соответствии с логикой, которая тем самым конституирует определенность этих понятий. Гегель добавляет еще одно условие: вся процедура должна быть обоснована, оправдана шаг за шагом. Нельзя просто изобрести логику, которая просто соединяет понятия; добавляется условие, что логика должна конституировать определенность рассматриваемых понятий, которое исключает идею, что все, что нужно сделать, это «соединить» понятия друг с другом. Если связь должна конституировать определенность, то на каждом шаге необходимо показать, что требуемые логические ходы являются неотъемлемой частью смысла рассматриваемых понятий. Как косвенно выразил это Гегель, «форма» должна возникать из содержания: «... [потребность состоит в том,] чтобы метод и содержание, форма и принцип были объединены» (пер. по: TWA 5 66, ср. НЛ I 124). Как конкретное содержание, так и логические шаги (метод), необходимые для установления такого содержания, должны быть легитимированы. Как можно это сделать в каком-либо смысле, кроме метафорического?

Ответ Гегеля довольно сложен и должен быть тщательно прояснен, чтобы быть понятным (*intelligible*). Он ставит проблему довольно просто: с чего должна начинаться наука, теория? Теория должна быть теорией понятий, которые обретают свою определенность через их логические отношения друг к другу. Следовательно кажется, что началом должно быть понятие. Тогда вопрос уточняется: Какое понятие? Незамедлительно возникают два условия. (1) Если теория должна объяснить определенность, то начало должно каким-то образом подрывать определенность; то есть оно должно быть, казалось бы, невозможным — неопределенным понятием. (2) Оно должно быть логически непосредственным; оно не должно быть результатом чего-то другого. Другими словами, начало не может уже содержать метод, логику развития, как уже было сказано. Под этим подразумевается не более чем то, что начало не может заранее излагать метод. Заранее заявить метод — значит заранее предположить, какие отношения должны составлять понятия. Третье условие дополняет эти два других: это понятие, по мысли Гегеля, должно быть понятием, относящимся к объекту познания. Его основания для вы-

движения таких условий заключаются, если говорить в общем, в том, что необходимо разработать «объектный язык» до того, как можно будет разработать «метаязык»; или, говоря еще более упрощенно, что нужно иметь что-то, о чем можно говорить, прежде чем можно говорить о том, что говоришь. Следовательно, *изложение метода*, логики, связывающей понятия, должно идти в конце. Однако, поскольку логика понятий конституирует их определенность, изложение логики равносильно изложению основания этих понятий; возникновение самой логики как темы в рамках теории является возникновением «истинного» основания предшествующего:

... движение вперед есть возвращение назад в основание, к первоначальному и истинному, от которого зависит то, с чего начинают, и которое на деле порождает начало (НЛ I 127, TWA 5 70).

Первоначальное понятие должно быть, как и все понятия в рамках теории, неявно определено логикой, которая полностью проявляется только в конце: «Это последнее, основание, и есть то, из чего происходит первое, выступившее сначала как непосредственное» (НЛ I 128). То, что в начале теории может выглядеть лишь как нечто просто непосредственное или обусловленное, на самом деле является конституированным (*in der Tat hervorgebracht wird*) конечным разделом теории. Но, точно так же, конец теории — это нечто, возникающее в результате «естественного» развития понятий и, с этой точки зрения, также является чем-то производным из начальных понятий.

Гегель, таким образом, говорит о «круге» в обосновании, хотя такая речь не совсем точна. Он не является круговым в том смысле, что конец тождественен началу (хотя Гегель в эйфории заявляет это), и не в том смысле, в каком некоторые теории когерентности истины являются круговыми, то есть теории истины являются круговыми, то есть одна и та же пропозиция, которая появляется по меньшей мере то есть одно и то же предложение, появившееся хотя бы один раз в качестве предпосылки, впоследствии появляется в качестве заключения, тем самым обосновывая себя.

Единственное понятие, которое удовлетворяет всем этим условиям — быть понятием бытия (поскольку мы говорим именно о бытии), неопределенным, свободным от какой-либо предпосланной логики, основанием, из которого может развиваться логика — это понятие чистого бытия. Оно есть неопределен-

ная непосредственность и равно только самому себе («В своей неопределенной непосредственности оно равно лишь самому себе...», НЛ I 139). Это первоначальное понятие есть нечто примитивное, не поддающееся дальнейшему анализу — *Nichtanalyisierbares* (НЛ I 132), нечто, что не может быть показано как имеющее более примитивных предшественников. Как самое примитивное понятие оно является предпосылкой всех других понятий. Это понятие, свободное от какой-либо логики, которое может быть заявлено с самого начала. Однако такое понятие, однако, логически эквивалентно понятию чистого ничто. Понятие чистого бытия неопределенно, и поэтому его нельзя отличить от чистого ничто, поскольку только в силу некоторой определенности его можно отличить от чего-либо другого. Взятое в таком виде, начало представляет собой дилемму: два понятия, которые в обычном значении просто не означают одно и то же, приравниваются друг к другу. Гегель утверждает, что они *перешли* друг в друга (он не говорит, что они *переходят* друг в друга, поскольку считает, что такое утверждение преждевременно вменило бы им логику). Этот непосредственный переход одного в другое эквивалентен понятию становления: переход бытия в ничто и ничто в бытие. «Становление» здесь не относится к обычному понятию, которое подразумевает, что *нечто* (определенное бытие) переходит в ничто (что, по мнению Гегеля, тем самым было бы также определенным понятием, поскольку это было бы отрицанием чего-то). Оно обозначает скорее «смещение» (*shiftyness*), «неустойчивость» понятий чистого бытия и чистого ничто: «Переход [*Übergehen*] есть то же самое, что и становление» (НЛ I 152). Но понятие становления имеет то преимущество, что оно имеет в качестве своего значения *единства* бытия и ничто; то есть в рамках понятия становления можно говорить о бытии и ничто. Таким образом, логика исходного понятия, чистого бытия, должна перейти в понятие чистого ничто. Однако ничто и бытие просто не эквивалентны. Таким образом, понятие становления возникает как решение примитивного противоречия: без него приходится придерживаться кажущейся противоречивой (и, в зависимости от отношения к Гегелю, возможно, бессмысленной) идеи, что бытие и ничто — одно и то же. Таким образом, понятие становления возникает как часть логики понятия чистого бытия и чистого ничто. От начальной позиции мы переходим к новой концепции — мы умозаключаем к ней — которая (1) более развита и (2) является решением дилеммы, в данном случае прото-противоречия. В рамках концепции становления бытие отли-

чается от ничто; тем самым оно является определенным бытием (*Dasein*). Таким образом, исходная логика возникает вместе с исходным понятием: логика чистого бытия должна перейти в чистое ничто, этот переход ведет к новому понятию, становлению. Или можно сказать так: чтобы разумно мыслить понятие бытия, нужно мыслить его как определенное бытие, иначе придется сказать, что бытие равно ничто. Но пока мы остаемся на уровне чистого бытия, мы не можем этого сказать; вывод или переход к понятию становления тем самым частично оправдан. Отсюда можно абстрагировать общий принцип, согласно которому понятие бытия приобретает определенность через включение в себя отрицания самого себя. Умозаключение к отрицанию понятия бытия необходимо для его определенности (*determinedness*).

Открывающий [логику] ход гегелевской теории поразил его современников как странный, и с тех пор поражает, вероятно, каждого читателя как по меньшей мере странный. В последующем издании «Науки логики» Гегель добавил множество замечаний и объяснений в попытке смягчить ощущение странности и сделать эту часть понятной, ибо он сам осознавал, что смысл этого раздела чрезвычайно труден для понимания. Это требует дальнейшего размышления для того, чтобы не потерять его смысл.

В. Логика и металогика. Принципы теории

Странное на первый взгляд начало «Науки логики» на самом деле представляет собой основную логическую структуру всего произведения. Гегель характерно описывает ее несколько непрямо: он говорит о ней как об «основании всей науки» (НЛ I 126) и говорит, что дальнейшее развитие теории является лишь «дальнейшим определением» (НЛ I 128) начала. Он подытоживает это следующим образом: «Таким образом, начало философии есть наличная и сохраняющаяся на всех последующих этапах развития основа (*Grundlage*), есть то, что остается всецело имманентным своим дальнейшим определениям» (НЛ I 128, TWA 5 71). Логика понятий бытия и ничто образует логическую структуру работы. Логика других более развитых, менее примитивных понятий строится в соответствии с логикой понятия чистого бытия: каждое понятие берет свою определение из собственного «ничто», то есть из своего отрицания. Таким образом, отрицание становится средством реконструкции категориальных понятий. Начало — это предложение конструктивной «логики» понятий; Ге-

гегель предлагает попытаться построить все наши категориальные понятия в терминах имплицитного отношения между понятием и его конкретным отрицанием. Эта связь понятия с его иным (или другим, гегелевский термин для понятия, которое служит отрицанием другого понятия) приводит к новому понятию, которое таким образом обосновывается как продукт и решение дилемм низшего уровня. Концепция более высокого уровня — это концепция, в которой дилеммы концепции более низкого уровня не возникают. Гегель называет такое движение *Aufhebung* [снятие]. В рамках гегелевской теории этот термин означает «интеграция» [«включение»]: понятие более высокого уровня включает [в себя] логику более низких понятий. Определенность, которую понятие приобретает благодаря своим ссылкам на свое другое, то есть благодаря движению от него к его отрицанию, интегрируется в высшее понятие.

Гегель различает три основных типа логических ходов в рамках своей теории. (1) Движение, соответствующее логике бытия, где одно понятие переходит в другое понятие; то есть, где переход к другому понятию всегда разрешен, поскольку, так сказать, ничто не может его остановить. (2) Движение, соответствующее логике сущности, где каждое понятие обладает определенной самостоятельностью: совершается переход к отрицанию понятия А, но затем необходимо перейти обратно к понятию А. Это описывается Гегелем как отражение (рефлексия) одного в другое. (3) Движение, соответствующее самой логике концептуальности, когда совершается переход к новому понятию, в котором первое понятие обладает непрерывностью, например, как универсалия непрерывна в своих экземплярах. Переход от каждой из этих трех логик к другой может быть архитектурно описан как переход от невключения определяющего другого (бытие), к частичному включению в себя определяющего иного (сущность), к полному включению определяющего другого (понятийность). Гегелевский тезис заключается в том, что каждая из этих логик является оригинальной, и ни одна из них не может быть сведена к другой. Хотя в теории существует три основных типа логики, все три логики, тем не менее, «принципиально» определяются начальным ходом; начальный ход является «металогическим» для всей теории.

Начальный набор ходов, таким образом, играет двойную роль: (1) они являются принципами, то есть они металогические для логики бытия, которая есть лишь частный случай логики в этой теории; (2) они являются металогическими принципами не толь-

ко для логики бытия, но и для логики сущности и логики концептуальности. Однако, если это так, то как логика сущности и концептуальности могут быть оригинальными [по сравнению с логикой бытия]? Если логика бытия является металогической для двух других, не означает ли это, что две другие логики сводимы к логике бытия?

Здесь следует различать смысл, в котором начало теории представляет основные ходы теории, и смысл, в котором последующие этапы теории являются развитием этого начального хода. Смысл, в котором начало логики представляет характерные ходы остальной части теории, следует понимать через понятие *отрицания*. Следует помнить, что логика понятий в теории представляет собой значение, определенность данных понятий. Начальные ходы представляют именно эту логику: определенность должна быть реконструирована через отрицание. Понятие обретает свою определенность через отношение отрицания к другому понятию. Реконструкция определенности через отрицание предлагает, таким образом, точное выражение более общей программы теории, а именно: реконструировать определенность понятий исключительно через их *логические* отношения друг к другу. Вопрос в том, какие именно отношения? Существует ли их большое множество? Несколько? Если их несколько, то как они соотносятся друг с другом? Гегель предлагает реконструировать все отношения из отрицания. Нельзя просто сравнивать понятия друг с другом; такое сравнение было бы чем-то внешним по отношению к содержанию рассматриваемых понятий и, конечно, не конституировало бы это содержание. Только отрицание достаточно имманентно понятиям, чтобы выполнить работу, которую требует гегелевская теория. Гегель отвергает другие предложения либо как внешние, либо как содержащие в себе предпосылки, то есть уже содержащие «отношение внутри себя», уже «сложные».

Однако кажется, что против Гегеля можно выдвинуть его собственные возражения. Чтобы говорить о понятии как об отрицании другого понятия, необходимо, как кажется, чтобы эти два понятия были определены. То есть можно утверждать, что отрицание не менее внешнее, чем ряд других отношений; действительно, отрицание всегда является отрицанием чего-то, а значит, отрицание должно предполагать предварительную определенность того, отрицанием чего оно является. Поэтому гегелевское использование отрицания было бы столь же произвольным, как и любое другое.

Гегель видел эту проблему. В качестве ответа на такое возможное возражение он добавил в более поздние издания «Науки логики» четыре примечания в попытке развеять подобную критику. Отрицание следует предпочесть, утверждает Гегель, не только потому, что оно имманентно рассматриваемому содержанию, но и потому, что можно дать предварительный отчет о нем. То есть отрицанию предшествует понятие ничто. Открывающее понятие ничто не просто эквивалентно отрицанию; это отрицание в абстракции от того, что оно отрицает, а именно от бытия. Ничто не эквивалентно небытию «ибо в небытии содержится соотношение с бытием» (НЛ I 141), а начало не должно содержать никаких заявленных отношений. Вместо этого логические отношения должны быть развиты из исходных понятий. Гегель утверждает, что

... прежде всего речь должна идти не о форме противопоставления, то есть одновременно и о форме *соотношения*, а об абстрактном, непосредственном отрицании, о ничто (*das Nichts*), взятом чисто само по себе, о безотносительном отрицании (*Verneinung*), — что, если угодно, можно было бы выразить также и простым *не* (*Nicht*) (TWA 5 84).

В другом месте Гегель характеризует это как «неопределенность или абстрактное отрицание», говорит об этом как «полной абстракции и, [которая есть] стало быть, уже потому абстрактная отрицательность, ничто» (НЛ I 159), и заявляет, что «этот переход (*Übergehen*) еще не отношение (*Verhältnis*)» (НЛ I 164, TWA 5 109). Термины, с помощью которых можно было бы соединить понятия бытия и ничто, еще не даны вначале. Нельзя сказать, что они похожи, не похожи или даже что они «переходят» друг в друга, пока мы остаемся на уровне двух понятий — чистого бытия и чистого ничто. В этом смысле необходимо развивать металогику начальных понятий не путем абстрагирования от начала, а путем развития через отрицание видов движений, ходов, характерных для этого метаязыка.

Основание, по-которому Гегель считает, что его начальные понятия имеют смысл, заключается в том, что значение (*meaning*) понятий следует из их места в системе; то есть смысл определяется тем, какие движения совершают понятия. Поэтому смысл понятий бытие и ничто зависит от их места во всей системе понятий. Только в той мере, в какой развита логика, можно говорить о бытии и ничто как об обладающих полным смыслом. Известное гегелевское учение о том, что истина есть целое [тотальность — *das*

Ganze], значит не более чем то, что смысл категориальных понятий не может быть реконструирован в их изоляции друг от друга, но только в терминах их логических отношений друг к другу. Это не отсылает нас к какому-либо метафизическому тезису. Обоснование гегелевской манеры откладывать все на потом и уверять читателя в том, что решение еще впереди, уходит корнями в эту доктрину.

Подведем итоги: логика бытия и ничто и переход к понятию, которое объединяет (*integrates, aufhebt*) логику этих двух, а именно, становление, является нормативной для остальной части теории. В этом смысле она является металогической для всего остального; все остальное следует рассматривать как развитие этой исходной логики, постепенное включение «ничто» в «бытие», то есть включение того, что придает детерминированность понятию «ничто» — его отрицания — в смысл самого понятия. С другой стороны, механизм комментирования этого открывающего раздела еще не разработан; в этом смысле метаязык это нечто, что последует далее. Включение в понятие его отрицания — это язык, на котором мы можем говорить об определенности понятий (то есть о принципе реконструкции), но у нас еще нет явного механизма для этого. Поэтому, чтобы избежать путаницы, мы можем говорить о начальном разделе логики как о предоставляющем *принцип* теории, а металогике как о необходимом механизме для формулирования этого принципа. Можно также говорить о начальных ходах как о формировании моделей для интерпретации определенности большинства конкретных понятий.

Однако логика понятий бытие и ничто не представляет полной структуры принципов теории. Из понятия определенного бытия Гегель реконструирует понятие качества, затем реальности, отрицания и так далее. Такие понятия как реальность и отрицание Гегель называет *моментами* понятия определенного бытия. Решающее значение для его теории имеет использование Гегелем слова «момент» для характеристики отношения *включения*, которое одни понятия имеют по отношению к другим. Очевидно, он намеревается провести аналогию с понятием круга. Круг состоит из 360 градусов, и каждый градус, как говорят, является *моментом* круга. Можно рассматривать каждый градус, так сказать, по отдельности — *an sich*, как сказал бы Гегель, — но градус является таковым только как часть «целого», круга. Круг, таким образом, состоит из его градусов, но его градусы являются таковыми только как часть круга. Гегель использует аналогию круга приме-

нительно к понятийным структурам. Отношение таких понятий, как реальность и отрицание к более общим понятиям, таким как определенное бытие, не является включением видов в свой род. Используя термин «момент», Гегель предлагает иной смысл включения, чем родовидовые отношения. Сказать о каком-то понятии, что оно является моментом другого, значит сказать, что логика первого «составляет» смысл второго. Понятия, которые являются моментами другого понятия, составляют смысл этого понятия, но их нельзя рассматривать вне понятия, в которое они включены. Бытие и ничто — это *моменты* становления; они не являются *видами* (*species*) становления. Именно движение бытия и ничто составляет становление: понятие становления «существует (*subsists*) в этом движении». Термин «момент» является теоретическим выражением ведущей идеи гегелевской программы, что определенность категориальных понятий проистекает только из их логики, из тех видов движения, которые они совершают. Если определенные понятия существуют исключительно благодаря логике своих моментов, то экспликация моментов является экспликацией данных понятий.

Сейчас для нас нет необходимости следить за точными деталями гегелевской процедуры. Важны лишь *типы* логических ходов, то есть интерпретационные модели, которые он вводит в учение о качественном бытии, поскольку именно через логику этих предварительных понятий должны быть построены другие логики. Отрицание должно быть основным средством построения логики понятий. Раздел о качественном бытии представляет, таким образом, основные ходы самого отрицания. Во-первых, нам предлагается антецедент отрицания, а именно чистое ничто. Из отношения бытия к ничто мы приходим к понятию отрицания как «определенного ничто». Затем Гегель разрабатывает логику отрицания, то есть логику определенности, тем самым развивая принципы своей теории. Эта процедура впервые завершается в понятии бытия-для-себя (*Fürsichsein*). Бытие-для-себя — это понятие, в котором определяющее его другое включено в него как момент самого понятия. Это идеальное, а не реальное единство бытия. Бытие-для-себя, таким образом, является понятием, в котором (1) моменты полностью конституируют его — логика этого понятия не включает никаких отсылок к неподдающемуся другое — и (2) моменты имеют явно выраженную логику (они «полагаются»). Бытие-для-себя, таким образом, является структурой тотальности, понятием, в котором может быть изложена логика других понятий. Оно возника-

ет как необходимый результат понятийного продвижения вперед «Науки логики». Если принять гегелевский тезис, а именно, что «значение» понятий определяется логикой их моментов, то для изложения логики предшествующих моментов требуется такая структура тотальности как бытие-для-себя. Действительно, бытие-для-себя является структурой понятийности, концептуальности как таковой. С помощью понятия бытия-для-себя Гегель избегает того, что он называет «дурной бесконечностью»; ему не нужно бесконечно переходить от одного понятия к понятию этого понятия *ad infinitum*⁹. Вместо этого он разработал металогическое понятие, которое по своей сути является «рефлексивным», то есть результатом движения предшествующих ему понятий. Оно определяет само себя, поскольку определяется только исходя из логики входящих в него понятий, а не из какого-то другого понятия (то есть диалектического другого). Без такого рефлексивного понятия поступательное движение в логике не имело бы конца, это был бы бесконечный прогресс, о котором говорит Гегель. Понятие получает свою определенность от своего другого; поэтому, если не будет найден какой-то способ, по которому определение может происходить изнутри, всегда будет возникать «другое». Таким образом, бытие-для-себя — это принцип завершения концептуальной прогрессии, средство осмысления того, что было раньше. С его введением нам представлен весь механизм или принципы, то есть полная проработка ступеней отрицания.

Логика этих понятий образует совокупность принципов гегелевской логики понятий. Как [эти] понятия они являются лишь конкретными определениями качественного бытия; однако их логика формирует сеть *принципов* теории. Эта структура принципов — вот что придает некоторым комментаторам Гегеля [право утверждать] видимое наличие произвола или догматизма [в его философии]. Но эти принципы не свидетельствуют о догматической линии мысли, проходящей через всю его теорию; они скорее указывают на правила построения [системы], процедуры, с помощью которых можно выстроить логику дальнейших понятий.

9. Более детально я разобрал гегелевское понятие бесконечного и его отношение к бытию-для-себя в: *Pinkard T. Hegel's Philosophy of Mathematics // Philosophy and Phenomenological Research. 1981. Vol. 41. № 4. P. 452–464.*

Сделав это, Гегель затем реконструирует два других базовых понятия учения о бытии — количество и меру — и затем открывает новую логику, логику терминов, принадлежащих к семейству понятий, которые он подводит под общее заглавие [логики] сущности. В логике бытия новые определения прогрессивно следуют друг за другом; в логике сущности вводятся новые отношения определения. Логика бытия — это «логика сущности»; сущности характеризуются, например, как качественно или количественно различные. Термины в логике сущности, однако, не могут быть так охарактеризованы. Сущность и то, чем она является, — это не две сущности, стоящие рядом друг с другом; каждая из них является составляющей и имеет отношение к определению другой. Логика сущности — это логика понятий, относящихся к отношениям подструктура/надструктура. Однако соображения краткости не позволяют мне углубиться в эту логику.

Два раздела гегелевской «Науки логики» — учение о бытии и учение о сущности — составляют то, что Гегель называет *объективной* логикой, которую он частично отождествляет с *трансцендентальной* логикой Канта и классической метафизикой. Таким образом, объективная логика является общей онтологией, трактовкой определений бытия *a priori*. Она является «метафизической» в очевидном смысле; это исследование бытия «в целом». Однако ее трансцендентальность не столь очевидна. Точный характер ее трансцендентальности должен быть раскрыт позже, но многое очевидно уже сейчас: онтология Гегеля явно чисто концептуалистской, понятийной. Априорное определение объектов демонстрируется через логику понятий. В этом смысле Гегель реконструирует определенности вещей в соответствии с принципами мышления; тем самым он реконструирует *a priori* условия мышления о предметах. Он занимается онтологией через реконструкцию того, как мы мыслим реальное.

Почему же тогда «Наука логики» не заканчивается разделами о бытии и сущности? Гегель считает, что после того, как был предложен отчет о «вещах», необходим отчет об этом отчете: *концептуальность* сама по себе должна быть понята. Если может быть дана логика понятий *предметов*, то для завершения объяснения требуется логика логики, металогики. Необходимо разработать принципы самой понятийности. Опять же, если сказать по-другому, если реконструктивная, трансцендентальная мысль обеспечила реконструкцию понятий объектов, то не дол-

жна ли она — для полноты объяснения — предоставить отчет о том, как именно она *может* установить или постигать категории, которые она до сих пор излагала? Учение о понятии призвано сделать именно это. Оно призвано дать ответ на трансцендентальный вопрос: каковы логические условия возможности установления мышлением тех категорий, которые оно до сих пор имеет, то есть каковы условия возможности постижения мышлением категорий, относящихся к объектам? Подобно тому как в первых двух разделах — бытие и сущность — были представлены условия возможности для мышления об объектах, раздел о понятии призван установить условия возможности мышления о первых двух разделах.

Гегелевская логика понятия — это попытка объяснить, как то, что было рассмотрено раньше, действительно «возникло», и тем самым *обосновать* то, что было рассмотрено раньше, то есть логику бытия и сущности. *Понятия* бытия и сущности были даны; теперь объяснение требует, чтобы нам сказали, что такое *понятия*. Таким образом, логика понятия является преемницей логики бытия и сущности; определенность понятия концептуальности (понятие понятия, как называет его Гегель) отчасти конституируется логикой бытия и сущности:

Бытие и сущность суть поэтому моменты его [понятия. — *Прим. пер.*] становления; понятие же есть их основа и истина как тождество, в которое они погрузились и в котором они содержатся. Они содержатся в понятии, так как оно их результат, но содержатся уже не как бытие и не как сущность; такое определение они имеют лишь постольку, поскольку они еще не возвратились в это свое единство (НЛ III 9–10).

Конкретные понятия учений о бытии и сущности больше не актуальны; теперь актуальна *логика*, сеть принципов, составляющих эти понятия. Логика концептуальности является их «истинной» в той мере, в какой она дает нам металогику двух предыдущих разделов, то есть в той мере, в какой она устанавливает основу, исходя из которой первые два раздела были созданы.

В чем же тогда заключается логика понятия? Если говорить кратко, то логика этой позиции заключается в том, что понятие сохраняет свою идентичность в другом, что придает ему определенность; парадигмальным случаем такого рода является идентичность универсалии во многих представляющих ее конкретных вещах, партикуляриях. Таким образом, другое полностью включено в исходное понятие. Металогически мы мо-

жем видеть что понятие — это случай бытия-для-себя. В учении о бытии другое не было включено; нечто отличалось от своего другого — две книги, лежащие на столе, не включают друг друга. В учении о сущности было частичное включение, но каждый момент сохранял целостность, независимость сам по себе. Сущность не отделена от того, чем она является, как две качественные или количественные сущности; причина относится к своему следствию, но не тождественна ему, как и вещь не является абсолютно тождественной во всех своих случаях. Логика понятия состоит в том, что определенные понятия являются «центрами» определения; универсалия является «центром» определения своих многочисленных экземпляров. В логике понятия, понятие и его другое диалектически переплетены: каждое из них является моментом другого; каждое является определяющим «другим для другого». Гегель описывает это «понятие понятия» в типично гегелевской манере:

Каждое из них есть целокупность (*Totalität*), каждое содержит внутри себя определение другого, и потому эти целокупности суть в такой же мере просто лишь одна целокупность, в какой это единство есть расщепление самого себя, превращение себя в свободную видимость этой раздвоенности, раздвоенности, выступающей в различии между единичным и всеобщим как полная противоположность, которая, однако, настолько есть видимость, что когда постигается и высказывается одно, при этом непосредственно постигается и высказывается другое (НЛ III 15, TWA 6 252).

Выражаясь онтологически, понятие — это то, что в идеально включает в себя свое другое. Это включение следует понимать в терминах гегелевской теории определения: понятие определено только в силу своего другого, в данном случае того, с чем оно непрерывно.

В терминах всей гегелевской теории мы видим, что понятийность определена только в силу своего другого, которое есть бытие и сущность, *a priori* определение *объектов*. Другими словами, понятия должны быть о бытии, и это «о» (*of*) следует понимать как «о(б)» *интенциональности*. Для того чтобы понять, что такое понятие, необходимо мыслить его в оппозиции к категориям объектов. Понятия, а значит и мысль (в той мере, в какой мысль понятийна), в фундаментальном смысле интенциональны по отношению к бытию. Другое, от которого понятие получает свое определение, есть бытие и сущность. Поэтому объяснение понятийности является также объяснением интенциональности.

Гегель явно имеет это в виду. Он одобрительно отзывается о кантовской идее, согласно которой синтетическое единство апперцепции является принципом Понятийности как таковой. Понятийность — это «принцип» познающего сознания. Несогласие Гегеля с Кантом заключается в том, что, по его мнению, Кант смешивает абстрактный *принцип* понятийности с конкретным *сущим*, Я. Принцип понятийности нельзя смешивать с тем, для чего он служит интерпретационной моделью:

Однако логическая форма понятия не зависит ни от того бездуховного, ни от этого духовного образа понятия...¹⁰ (НЛ III 20, TWA 6 257)¹¹.

Принципы концептуальности образуют логическую основу для реконструкции *ума* (*mind*) как *интенционального*, но эту основу для реконструкции не следует путать с тем, что реконструируется, то есть с разумом или эго как таковым. Понятие ума или эго не подлежит реконструкции в рамках «Науки логики»; там представлена только основа для реконструкции.

Логика понятия познания (*cognition*) состоит в том, чтобы субъект преодолел грубую инаковость объекта, ввел термин «данное» в сферу понятия, в эпистемические (концептуальные) рамки. Для этого нужны логика, аксиомы и так далее — все моменты понятия понятийной схемы. Однако в той мере, в какой эти схемы *построены*, мир не просто постигается в своей данности, а подводится под определенные нормы. Таким образом, теория не является простым описанием мира. Описание данности — это фактически подведение ее под определенные нормы. Таким образом, понятие познания тесно связано с понятием действия — то есть в конечном счете связано с установлением рациональных норм.

Таким образом, Гегель ставит диагноз когнитивному отношению между познающим и познаваемым. Субъект вводит мир в свою собственную орбиту, приводя его в рациональную поня-

10. Подобным образом, «Наука логики» не является реконструкцией *Geist'a* [ума, сознания, а не его логической, абстрактной категориальной формы. — *Прим. пер.*], но предлагает лишь «простые строительные леса» (*einfache Gerüste*) для такой реконструкции.

11. Пинкард довольно точно передает *geistige Gestalt* как *mental formation*, то есть ментальная, относящаяся к уму, сознательная форма. В русском переводе это место передано как «духовный образ», что мы находим вводящим в заблуждение, поскольку это вовлекает иррелевантные для этого раздела религиозные коннотации. — *Прим. пер.*

тийную форму. Субъект по сути своей интенционален: «Я мыслит нечто — себя или нечто другое» (НЛ III 237). Интенциональность объясняется как апроприация другого в сферу субъекта; конкретно, это приведение грубой, непонятийной данности в понятийную форму. В терминах логических категорий Гегеля, интенциональность это пример бытия-для-себя, включение другого в себя; это включение определенности мира в орбиту субъекта, в такие понятия, что ничто не остается «за бортом», не приводится в понятийную форму. Предмет интенциональности тем самым понимается как включение в понятие или концептуальную структуру. Точный характер выведения этого понятия можно показать только принимая во внимание учение о методе, того, что Гегель называет *абсолютной идеей*.

Д. Абсолютная идея: металогические размышления

Переход к тому, что Гегель называет Абсолютной Идеей, является тем местом внутри теории, где метод теории может стать предметом рассмотрения и может быть осмыслен. Если метод — логика понятий, разработанная для объяснения их определенности — действительно конституирует определенность категорий, то рассмотрение Понятия как такового является рассмотрением логики концептуальности. Кроме того, эта логика тождественна методу самой «Науки логики». Таким образом, финальное понятие — это не столько «индивидуальное» понятие (как, скажем, «субстанция»), сколько *метапонятие, понятие-принцип*. Это точка, в которой метод эксплицируется, становится темой рассмотрения; это металогическое рассмотрение того, что было до этого:

Следовательно, то, что предстоит здесь еще рассмотреть, это не какое-то содержание, как таковое, а всеобщность его формы, — то есть метод (НЛ III 290).

Гегель утверждает, что это тождество субъекта и объекта, имея в виду не более того, что субъект движения — логика понятий — в этот момент становится объектом рассмотрения. Если раньше объектом было какое-то конкретное понятие или набор понятий, то теперь это сама концептуальность, понятийность. Рассмотрение абсолютной идеи, таким образом, является отражением той точки зрения, с которой написана остальная часть «Науки логики».

Что же такое метод? Гегель просто утверждает, что

...то, что составляет метод, — это определения самого понятия и их соотношения, которые должны быть теперь рассмотрены в значении определений метода (НЛ III 292).

Метод это просто средство соотнесения понятий друг с другом. Но он не является чем-то внешним по отношению к понятиям, о которых идет речь: он их конституирует.

Это реконструктивный метод, который состоит из трех аспектов: (1) прогрессивного, (2) регрессивного и (3) системного или архитектурного. Вместе эти три аспекта составляют диалектику Гегеля. Первый из них, прогрессивный аспект, представляет собой логическое движение установления нового содержания, постепенное введение новых понятий. Это средство, с помощью которого размещается новое содержание («идущее вперед дальнейшее его определение» — *das vorwärtsgehende Weiterbestimmen*, НЛ III 307, TWA 6 570). Это не процесс дедукции; очевидно, что дедукция в строгом смысле этого слова не может обеспечить новое содержание. Скорее, прогрессивный аспект заключается в помещении новых понятий отчасти как решение дилемм, в частности, чтобы избежать противоречия. Поскольку прогрессивное движение не может создать новое содержание, содержание должно быть принято как данное. То есть дается ряд понятий, которые должны быть реконструированы, а затем они размещаются в прогрессивном порядке. Прогрессия представляет собой расположение понятий от абстрактного к конкретному; ранние понятия демонстрируют абстрактную определенность, а то, что следует за ними, становится «все богаче и конкретнее» (НЛ III 306)¹².

Прогрессивный момент предлагает, таким образом, только размещение содержания в соответствии с конкретностью определенного понятия; он не может создать никаких новых понятий. Следовательно, требуется регрессивный аспект, «идущее вспять обоснование начала» (НЛ III 307, TWA 6, 570). Основа движения вперед, которое обнаруживается в прогрессивном аспекте, заключается в том, что каждое понятие имеет *недостаток* определенности по отношению к следующему; первое понятие имеет недо-

12. Гегель перенимает прогрессивный и регрессивный методы у Канта, согласно его характеристике своего метода. Кант в своей работе различает прогрессивный, *синтетический* метод и *аналитический*, регрессивный метод. «Критика чистого разума» согласно Канту следует прогрессивному, синтетическому методу. См.: Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4 (1). §§ 2–3.

статок в свете второго, и движение идет вперед, чтобы преодолеть этот недостаток.

В конечном счете все понятия неполноценны с точки зрения конечного понятия, Абсолютной Идеи, и поэтому прогрессивный момент имеет телеологическую направленность. Предыдущие понятия предшествуют последующим; их логика отчасти конституирует последующие понятия. Расположение понятий в соответствии со схемой «предшествующее-последующее» предлагает тем самым *генеалогию* понятий; предшествующие понятия более примитивны, чем последующие, они являются «предками» последующих¹³. Так называемый генеалогический аспект движения представляет собой *регрессивную* особенность метода. При регрессивном рассмотрении каждое понятие имеет ряд «предков», которые, можно сказать, *объясняют* его. В этом и заключается смысл трансцендентального объяснения, как оно имеет место в гегелевской теории. Можно сказать, что понятие получило объяснение, когда (1) демонстрируется его логика и (2) когда показывается его развитие из других понятий. Говоря иначе, можно сказать, что понятие было объяснено в гегелевском смысле, когда оно было систематически переописано в рамках гегелевской теории, то есть когда оно было реконструировано как возникающее из движений отрицания и двойного отрицания (в том смысле, как это понимает Гегель).

Оба вида движения — прогрессивное и регрессивное — необходимы для теории Гегеля. Если теория не должна быть простым каталогом или перечислением элементов на листе бумаги, то она должна предложить некоторый способ установления своих понятий, поэтому она требует расположения понятий в терминах основополагающих логических отношений. Это обеспечивается прогрессивно-регрессивными аспектами метода. Поскольку прогрессивный аспект не может быть дедукцией, он должен быть процессом установления нового содержания, которое уже дано; таким образом, прогрессивное движение — это реконструкция того, что с регрессивной точки зрения есть то, что уже дано. Имеется тотальность — категориальный аппарат знания — и попытка реконструировать это целое в терминах его логических отношений.

13. Подобное понятие о роли архитектоники как предоставляющей генеалогию понятий можно найти у Клауса Хартманна: *Hartmann K. Hegel: A Non-Metaphysical View // Hegel: A Collection of Critical Essays / A. MacIntyre (ed.). Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1977. P. 101–124.*

Средством реконструкции является понятие определенного отрицания. Это артикулируется в третьем аспекте метода, который мы можем назвать *архитектоническим*. Сам Гегель не использует этот термин, но в его теории есть структура, которую можно так назвать. Прогрессивный момент — это конструктивное «построение» (*up-building, Aufbau*) понятий; регрессивный момент — это так сказать «разбор» (*un-building*¹⁴) тех же самых понятий. Вместе эти два аспекта не могут поддерживать правильно упорядоченное движение, как того требует гегелевская теория. Понятие прогрессивного движения указывает только на то, что понятия следуют друг за другом; понятие регрессивного движения определяет только то, какие понятия существуют. Если определенность понятий должна определяться их логикой, и если следует отвергнуть логику их повседневного употребления, то необходимо построить логику, то есть вид движения, которое понятия совершают по отношению друг к другу. Эта логика является *архитектоникой* теории. Архитектоника состоит из основных моделей интерпретации и обеспечивает принципы для упорядочивания понятий. Именно в силу архитектоники понятия видимы как недостаточные; и архитектоника определяет вид наличного недостатка. Кроме того, можно провести различие между архитектоникой в большом масштабе и в малом масштабе. В большом масштабе происходит движение от (1) не-включения понятий друг в друга, как это имеет место в учении о бытии (например, нечто и нечто другое, количественное различие и т. д.), к (2) частичному включению, как это имеет место в учении о сущности, и к (3) полному включению, как это имеет место в учении о понятии. Конечной точкой является полное включение, которое представляет собой Абсолютную Идею, или концептуальность, дающую себе отчет о себе самой. Архитектоника большого масштаба регулирует общие переходы в теории, то есть переходы от Бытия к Сущности и от Сущности к Понятию. Это также иллюстрирует особую силу гегелевского стиля трансцендентальной теории: даже если конкретный переход недействителен, переход как таковой имеет обоснование, поскольку архитектонически прежнее положение должно уступить последующему — невключение должно уступить хотя бы частичному включению. Все прогрессивное движение не аннулирует-

14. Вероятно, здесь можно использовать термин «деконструкция» в смысле разбора уже построенного, держа в уме возможные различия с понятием, предложенным Деррида. — *Прим. пер.*

ся ошибочным переходом. Это, очевидно, ставит стиль системы Гегеля в противоречие с чисто дедуктивной теорией, в которой ошибочное умозаключение может сделать недействительным весь результат.

Каждый конкретный переход регулируется архитектурикой малого масштаба. Каждая область *Логики* имеет свою собственную логику, и в рамках этой логики существует архитектурическая упорядоченность малого масштаба. Таким образом, в то время как учение о бытии имеет свое место в крупномасштабной архитектурике как логика не-включения, то логика бытия имеет свой особый тип архитектурики. Гегель очерчивает малую архитектурнику следующим образом:

Абстрактная форма поступательного движения есть в бытии некое другое и переход в некое другое, в сущности — видимость в противоположном, в понятии — отличие единичного от всеобщности, которая как таковая продолжается в отличное от нее определение и тождественна с этим отличным от нее (ЭФН § 240).

Опять же, [тот или иной конкретный гегелевский аргумент в пользу] конкретного перехода может быть ошибочным, но необходимость такого перехода предписана архитектурически. Крупномасштабная и мелкомасштабная архитектурика таким образом, предлагает теоретику схему для размещения концептов — то есть схему для реконструкции концептов, и тогда остается открытым вопрос о том, заполняет ли конкретное понятие определенное место в схеме корректным образом.

Однако если предложение Гегеля об имманентной, логической реконструкции понятий должно быть обоснованным, то архитектурика должна быть не внешней по отношению к рассматриваемым понятиям, но имманентной им, конституирующей их определенность. Следовательно, архитектурика не может быть просто сконструирована и применена, но должна сама быть сам *развита*. Это лежит в основе гегелевского подчеркивания важности начала теории. Начало должно развивать архитектурнику из самого себя. Для того чтобы начало могло его развить, оно должно (1) быть неполноценным и (2) иметь архитектурнику имманентно внутри него. Оно также должно обладать другими характеристиками, отмеченными ранее. Логика метода должна исходить из самого начала, но не в рамках внутреннего конкретного *рассмотрения*. Если бы архитектурика была просто применена, то не существовало бы проблемы начала. Как следствие, Гегель говорит,

что «недостаточность начала должна заключаться в его непосредственности, наделенной импульсом к дальнейшему движению» (НЛ III 294).

По этой причине начало должно быть неопределенным, чтобы представить генеалогию определенности. Движение к определенности, конституирующее архитектонику, представлено в самом начале. Однако очевидно, что эта процедура является круговой. Если что-то неполноценно, то оно неполноценно только с точки зрения чего-то другого. Следовательно, недостаток начала является таковым только с точки зрения по крайней мере следующего этапа и в конечном счете конца. Но смысл тезиса Гегеля в том, что поскольку метод, логика понятий, конституирует их определенность, то генеалогия определенности является генеалогией также и архитектурно структурированного метода. В этом смысле архитектоника возникает с самого начала, поскольку логика определенности возникает там. Круговой характер (*circularity*) возникает потому, что эта изначальная логика позже объясняет себя в конечном понятии, в котором достигается полная интеграция. Этот круг не является примером логической ошибки *petitio principii*, поскольку начало не является предпосылкой, которая затем появляется в заключении. Скорее, это более тонкий случай конструктивистского самообъяснения; диалектическая логика способна дать отчет о себе в своих же собственных терминах. То, что должно быть объяснено — *explanandum* — это то же самое, что и то, что объясняет — *explanans*; в обоих случаях это Понятие или «мысль». В рамках теории нет такой позиции, из которой дедуктивно или конструктивно выводятся результаты; нет первой посылки, которой на основании достоверности следует отдать предпочтение и с которой связано все остальное. Скорее, принцип — единство бытия и ничто — в силу своей логики способен дать отчет о себе. Сам принцип понятийности может быть постигнут и понят. Таким образом, в объяснении нет никакого излишества: начало объясняется как первичный случай определенности концом, а конец, завершение, является развитием начала. Завершение достигается тем, что в конце теории не остается никакого противодействующего «другого». Понятийность объясняет саму себя; *explanans* (наделение определенностью через определенное отрицание) объясняет сам себя. Говоря гегелевским языком, мысль категоризирует себя как категоризирующую свое другое. Обвинение в *petitio* не выдвигается также потому, что схема является реконструктивной, а не дедуктивной. В начале разрабатывается

принцип, напоминающий правило построения; в конце «правило построения» постигает себя. Мысль понимает, что ее определенность вытекает из всей логики ее понятий, ее моментов. Цикличность заключается в том, что принцип, действующий в начале, в силу своей логики может стать темой рассмотрения в самом конце. Тем самым нет никакого прыжка от объектного языка к метаязыку.

[Идея] есть сама чистое понятие, которое имеет своим предметом себя и которое, проходя в качестве предмета целокупность своих определений, разворачивает себя в целое своей реальности, в систему науки и кончает тем, что схватывает это постижение самого себя и тем самым снимает свое значение (*Stellung*) как содержание и предмет и познает понятие науки.

В терминах аналогии с игрой, «Наука логики» может быть рассмотрена двумя способами: (1) *статический* способ — коллективная упорядоченность всех «фигур» на «столе»; (2) *динамический* способ — движение от одной позиции к другой.

Остальная часть гегелевской программы практически автоматически вытекает из этого начала. «Наука логики» — это попытка, предложение реконструировать определенность чисто категориальных понятий опыта в терминах понятий, содержащихся в «Науке логики». Далее следует второй тип реконструкции. Установив общую онтологию, Гегель пытается систематически переформулировать более конкретные понятия в терминах своей общей онтологии. Таким образом, можно систематически описать понятия естествознания, реконструируя их логику в соответствии с понятиями, содержащимися в «Науке логики». Таким образом, можно исследовать основания научных теорий; можно поместить конкретные понятия науки и опыта в теперь уже понятную рамку «Науки логики». Такое предложение реализуется в натурфилософии Гегеля. Аналогичным образом можно поступить с понятиями в поведенческих и политических науках, предложение, которое Гегель реализует в своей философии субъективного и объективного духа (*mind*). Заключением таких более конкретных реконструкций будет реконструкция понятия философии как такового. Философия становится понятной как понятийная критика других областей понятийного знания, например, естественных наук, бихевиористики, науки о политике и так далее. Преимущества такой реконструкции двояки: (1) можно утверждать, что мы понимаем, то есть заложили основы для основных понятий, встречающихся в науке и опыте; (2) у человека

есть метод классификации наук в соответствии с тем, какие типы объяснения они предлагают.

В заключение отметим, как гегелевская теория в таком прочтении вписывается в более современный стиль ведения философии. Во-первых, в современной философии вновь пробудилась забота о *системе* в философии. Гегелевская теория, очевидно, отвечает на эту озабоченность, но благодаря тому, что Гегель уделяет пристальное внимание построению системного (архитектонического) аспекта своей теории из небольшого набора основных принципов, которые сами развиваются в «Науке логики», он избегает многих обвинений, обычно связанных с такой систематизацией, а именно «насильственного помещения» материала туда, куда он не подходит. Гегелевская забота об анализе и реконструкции логики понятий, составляющих ядро нашей концептуальной структуры, также очень созвучна другим типам современных проблем. В поисках первых принципов большая часть современной философии делает акцент на прояснении конкретных проблем, возможно, в ущерб системе. Гегелевская философия, с ее понятием «имманентной» системы понятий, не должна восприниматься как очень далекая от этого типа озабоченности. Гегель — не просто немецкий романтик XIX века, слушающий свои собственные заклинания о Мировом Духе, но философ, озабоченный тщательной разработкой логических отношений между всеми различными способами, которыми мы переживаем вещи и говорим об этом опыте. Он также не является защитником тех, кто хотел бы отвергнуть принцип непротиворечия, как это часто предполагается. Я бы сказал, что рассматривать Гегеля в этом свете, как своего рода трансцендентального философа — это правильный и наиболее плодотворный способ его прочтения.

Библиография

- Гегель Г. В. Ф. История философии: В 3 т. СПб.: Наука, 1994.
Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3 т. М.: Мысль, 1970–1972.
Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974.
Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4.
Кант И. Соч. на нем. и русс. яз.: В 4 т. / Под ред. Б. Бушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006.
Стросон П. Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009.

- Hartmann K. Hegel: A Non-Metaphysical View // Hegel: A Collection of Critical Essays / A. MacIntyre (ed.). Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1977. P. 101–124.
- Hegel G. W. F. Werke: In 20 Bd. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1986.
- Pinkard T. Hegel's Philosophy of Mathematics // Philosophy and Phenomenological Research. 1981. Vol. 41. № 4. P. 452–464.
- Pinkard T. The Logic of Hegel's Logic // Journal of the History of Philosophy. October 1979. Vol. 17. № 4. P. 417–435.
- Sellars W. Some Reflection on Language Games // Science, Perception, and Reality. L.: Routledge; Kegan Paul, 1963. P. 321–358.

THE LOGIC OF HEGEL'S LOGIC

TERRY PINKARD. Georgetown University, USA, terry.pinkard@georgetown.edu.

Keywords: G. W. F. Hegel; *Science of Logic*; speculative philosophy; absolute idea.

One of the problems involved in doing the history of philosophy is reinterpreting past philosophers in such a way that the relevance of their work to contemporary discussion can become clear. In doing so one often finds that certain doctrines to which a philosopher himself attached great significance may not be central to a particular line of his argument. Recent efforts at interpreting Kant have attempted, for example, to disentangle the objectionable part of the Kantian metaphysics from the “objective” argument contained therein. The whole doctrine of transcendental psychology in Kant’s first Critique, for example, may perhaps be shelved without injuring the rational core of the argument.

With Hegel, however, the case seems *prima facie* more difficult, since Hegel’s whole system is seemingly tied down to a very obscure metaphysics, that of the “World Spirit.” However, just as not all of Kant’s doctrine is necessary to his philosophy, perhaps not all of Hegel’s philosophy is inextricably bound up with commitment to such shadowy entities. The author tries to draw out the central argumentative core of Hegel’s *Science of Logic*. To do this he first sketches briefly what Hegel takes to be the goal of such a theory. Second, he outlines the basic logical structure of the work. The result is a presentation of Hegel’s philosophy that will make it not the obscure confidant of World Spirit, but rather one not far from contemporary concerns.

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-2-7-37